

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №1, Том 12 / 2021, No 1, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK121.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Напсо М.Б. Индивид, общество и право в цифровую эпоху // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2021 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK121.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Napso M.B. (2021). The individual, the society and the right during the digital epoch. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 1(12). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK121.pdf> (in Russian)

УДК 316.7

ГРНТИ 04.51.35

Напсо Марьяна Бахсетовна

ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», Черкесск, Россия

Профессор кафедры «Гражданско-правовых дисциплин»

Доктор юридических наук, доцент

E-mail: napso.maryana@mail.ru

Индивид, общество и право в цифровую эпоху

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития общества и права в условиях цифровой трансформации в целом и информационно-коммуникационного бума в частности с характерными ему ускоренными процессами обновления средств, форм и способов передачи информации, роста ее объемов и числа носителей и, следовательно, растущей востребованностью цифровых навыков, ставших первостепенным качеством успешной самореализации. Принимая во внимание возросшую роль информации, в том числе в формировании знаний, поведенческих требований, трендов, образов, стереотипов, автор последовательно анализирует современные характеристики движения и использования информации: тиражирование и экспортирование любых объемов информации с использованием разнообразных ресурсов, целенаправленное и произвольное накопление свободно курсирующей информации правдивого и лживого содержания, отрыв информации от первоначального ситуационного и содержательного контекста, свободное конструирование новой информации путем вольной интерпретации, фальсификации, «выдергивания» из контекста, использование возможностей искусственного интеллекта для анализа информации и т. д., – что позволяет говорить о реальности информационных атак, информационной травли, информационной провокации, инфодемии. Таким образом констатируя актуальность проблемы информационной безопасности как на макро-, так и на микроуровне, в том числе и в силу недостаточности правовых гарантий реализации информационных прав индивида, автор предпринимает попытку определить наиболее важные подходы в решении проблемы. Придя к заключению о том, одним законодательным закреплением понятия фейка проблема распространения иной недостоверной информации решена быть не может, автор считает необходимым вводить новые понятия, что обеспечит множественность правовых инструментов и оперативность отнесения тех или иных явлений и фактов в информационном пространстве к числу противоправных деяний. Факт того, что современные технологии позволяют формировать и оперировать большими массивами информации без опережающего технологического и юридического обеспечения их безопасности, без волеизъявления индивида и без их проверки на достоверность, для автора является убедительным доказательством

уязвимости и незащищенности индивида в виртуальном пространстве. С этой точки зрения наибольшим ценностным потенциалом, по мнению автора, обладает введение правового режима информации в Интернете и правового режима информации в виде баз данных, что позволит индивиду не только пользоваться несомненными преимуществами современных технологий, но и оказывать влияние на процесс сбора, хранения, распространения информации о нем.

Ключевые слова: цифровая эпоха; информационное общество; искусственный интеллект; информационные технологии; коммуникационные технологии; свойства информации; базы данных; правовой режим информации; права индивида; пандемия

Современную цивилизацию одни характеризуют как эпоху на излете постмодерна (постпостмодерн), другие именуют неоконсерватизмом, третьи – метамодерном, четвертые, предпочитая говорить об очередной технологической революции, – цифровой эпохой, эрой искусственного интеллекта и big data и т. п. Скорее всего, наличествуют все эти тенденции, проявляясь в большей или меньшей степени в различных сферах общественной жизни. Вызовы постмодерна и глобализации: фрагментация территорий, сообществ, государств и утрата ими суверенитета, унификация образа жизни и ценностей, возведение потребительства и индивидуализма в культ, массовое производство искусственных идейных конструктов – породили ренессанс национальной идентичности (вплоть до ее архаичных форм), востребованность коллективистских ценностей (солидарность, единство, защищенность), патриотизма, конституционной идентичности. И в то же время обращение к традиционным и истинным ценностям стало результатом воздействия и новых вызовов и угроз: стремительность перемен, ускорение процесса коммуникации, постоянное обновление средств, форм и способов передачи информации, неизменный рост ее масштабов и числа носителей.

Современность отличает стремительный информационный поток, в чести креативность, способность генерировать идеи, создавать самые немислимые конструкты, самая большая ценность – успех в стремлении выделиться своей нестандартностью и привлечь к себе как можно больше внимания и последователей, но успех этот весьма кратковременен, если он не подпитывается все новыми способами самореализации. При этом в успешности все меньше от категории внутреннего состояния и все больше внешних атрибутов: радость постижения и достижения в большей мере испытывает не сам индивид в процессе самореализации, а его читатели, подписчики, последователи и т. п., с обожанием и завистью вззирающие на то, с какой легкостью отвергаются принципы, преодолеваются запреты, с какой вольностью почитаются пороки (что постепенно придает им свойство вполне дозволенных забав), выставляется напоказ самое сокровенное. Современному индивиду многое стало доступным, превратившись в товар, зрелище, объект туризма: полюс, морские глубины, космос перестали быть уделом героев-подвижников, их покоряют не только во имя науки и прогресса – и это сильно изменило содержание не только «типичного человека в типичных обстоятельствах», как писали классики реализма, но и идеального человека. В этом смысле весьма показательна история Б. Стигера, ценой огромных усилий достигшего Северного полюса и обнаружившего там группу веселящихся туристов. То, что для одного было поступком, потребовавшим напряжения интеллектуальных и физических сил, для других стало обычной турпоездкой, развлечением в арктическом антураже. Включение всего и вся в сферу услуг расширяет границы доступного, подогревает жажду все новых впечатлений, эмоций, переживаний. Их быстрая смена создает иллюзию легкого блестящего существования. В реальности же это есть, по образному выражению М. Кундеры, «невыносимая легкость бытия», в которой проблемы бедности, равенства, справедливости не только актуальны, но и приобретают еще более острый характер.

В эпоху постмодернизма различия между поколениями, представителями различных слоев общества был обусловлен способностью индивида не быть прочно привязанным к ценностям, идентичностям, вкусам, взглядам. В эпоху цифры «и практически ежедневного изменения требований к человеку относительно его цифровых навыков усиливается разрыв между поколениями в силу непонимания языка, на котором происходит общение между ними» [1]. Перешагнувший в цифровую эпоху, индивид периода постмодерна – в силу отсутствия прочной нравственной, культурной, ценностной основы – легко впадает в зависимость и становится заложником новых смыслов виртуального и реального мира. Не будучи преодоленными, одни разделительные линии наслаиваются на другие – число негативных, критических, кризисных проявлений нарастает. Стремительность новизны перемен, не поспевающее за ней их осмысление и, как следствие, отсутствие своевременных и адекватных механизмов реагирования порождают то, что давно названо футурошоком, а на уровне индивида – эффектом фрустрации. В своей совокупности они порождают агрессию и самоагрессию, рост конфликтности, обращение в прошлое, реверсионизм («одержимость возвращением к ранее успешным шаблонам адаптации») [2].

В такой ситуации неизбежна актуализация запроса на независимость, самобытность, самость, прочность, надежность, постоянство. И, конечно же, безопасность в самом широком смысле этого слова. В тех условиях, когда информации можно придать системный характер, а информационным потокам – мультипликативный эффект с целью формирования и постепенного внедрения того или иного идейного конструкта, и при наличии технологических возможностей его экспортирования из одного информационного поля во множество других, «информационная обороноспособность» становится главным инструментом противодействия информационно-идейному нашествию. Информация всегда была мощным средством воздействия на умы и поступки индивидов, современные технические возможности многократно усилили роль информации в формировании трендов, образов, стереотипов и соответственно в управлении поведением. Тиражирование большого объема информации одного содержательного наполнения в различных формах с использованием разнообразных ресурсов, продуманное дозирование правды и вымысла снижает порог критического восприятия информации и создает условия для формирования и укрепления сначала образа, а потом уже и стереотипа, в дальнейшем используемого как факт, не требующий доказательств. Восприятие, «открытие для себя» того или иного образа всегда сопровождается большим всплеском эмоций, гораздо большим, чем развенчание стереотипа, особенно в ситуации, когда он уже утратил свою актуальность по достижении цели. История с ядерным оружием, которым якобы обладал Ирак, что стало поводом для агрессии против него, – яркий тому пример.

Стремительный поток большого объема информации определенного содержательного и эмоционального наполнения в одночасье способен сгруппировать индивидов вокруг идеи, сформировать тренд и выдвинуть обязательно разделяемые поведенческие требования, способные в последствии перерасти в одно из проявлений политкорректности. История движений под хэштегами «Me too» и «Black lives matter» заставляет обратить внимание на весьма примечательный факт. Движение, призванное привлечь внимание к той или иной объективно злободневной проблеме и зарождающееся под лозунгами о равенстве, постепенно приобретает характер агрессивного диктата меньшинства над большинством. Индивиды вынуждают вполне определенным образом проявить солидарность, выказать свою сопричастность, обозначить свою позицию. Опасность ситуации даже молчаливого согласия заключается в причислении от молчавшихся к числу тех, чьи слова и поступки порицаются. Таким образом, цель достигается диктатом стереотипированного поведения: преклонение колен, разрушение памятников и т. д. Постепенно происходит и смена методологических подходов при оценке тех или иных исторических событий: на смену принципу историзма приходит взгляд на явления прошлого как на современный продукт, звучат призывы их

переоценки с позиций современных принципов (в частности принципа политкорректности) в том числе и с целью восстановления исторической справедливости. Тенденциозность подходов в рамках заданной парадигмы сиюминутных воззрений без учета сложности конкретно-исторических условий выхолащивает истинное содержание, примитивизирует процесс анализа и осмысления. То, с какой быстротой и легкостью и насколько громогласно один из гигантов кабельного вещания с многомиллионной аудиторией в десятках стран – НВО – ввел запрет на трансляцию «Унесенных ветром», а затем – вслед за меняющимися настроениями, падением рейтингов и прибыли – без всякой огласки снял его, говорит о многом. В частности, о том, что при наличии ярко выраженного тренда главное не быть уличенным в непричастности, а значит, высказываться публично или через соцсети в унисон провозглашенным идеям. Таким образом массированное информационное нашествие способно придать мощный импульс развитию той или иной идеологии и на какое-то время – для достижения определенной цели – обеспечить власть разделяющего ее меньшинства над опасующимся остракизма в свой адрес большинством.

Информационные атаки, информационная травля, инфодемия стали реальностью, которой очень сложно противостоять и не только в силу наличия необходимых для этого технических возможностей, отработанных и опробированных технологий и практик, существующих вне правового поля. Есть причины и иного порядка. Во-первых, цифровизация наделила каждого индивида огромными возможностями свободно производить, получать и передавать любую – с установленными законом изъятиями – информацию, неограниченно общаться, высказывать свою точку зрения устно и письменно – то, что было уделом избранных, стало обыденностью для каждого. Во-вторых, информации, кроме всего прочего, обладает свойством бесконечного неисчерпаемого ресурса, «информационные продукты не подчиняются закону убывающей предельной доходности... Отрасли, занятые производством информационного продукта, получают огромные возможности для эксплуатации эффекта масштаба» [3]. Такое качество информации, как нелинейность: не подвержена физическому старению, легко накапливается, долго сохраняется, имеет неограниченные возможности тиражирования, – может иметь и имеют отрицательный эффект: сосредоточение больших массивов информации у одного или нескольких субъектов, возможность ее произвольного использования любым числом субъектов, в том числе из разных мест и независимо от времени (или одновременно). Эти издержки и определяют законодательное оформление правовых режимов информации, предусматривающих в зависимости от содержания информации систему ограничений на доступ и ее распространение. Однако следует заметить, что количество, объем информации не определяют ее ценность, качество и характер влияния, поэтому результаты ее воздействия могут быть непредсказуемыми.

В-третьих, не каждый осведомлен об этих свойствах информации и до конца осознает опасность произвольного накопления свободно курсирующей информации. И причина не только в преднамеренных, действиях лиц, взламывающих систему защиты для получения доступа к той или иной базе данных, что случается с завидной регулярностью и свидетельствует о наличии серьезной проблемы. Большой массив информации можно получить вполне легальным способом по той простой причине, что ее предоставляют сами индивиды, вынося свои образ жизни и образ мыслей в публичное пространство. Первоначальное появление и общий смысл информации всегда связаны с определенным ситуационным и содержательным контекстом, который по прошествии времени теряет свою актуальность, и информацию можно использовать безотносительно к ее первоисточнику. Цифровые технологии позволяют зафиксировать и надолго сохранить все, что оказалось случайно или преднамеренно в виртуальном пространстве, предоставляя неограниченные возможности не только для анализа, но и для свободного конструирования новой информации различной направленности путем вольной интерпретации, фальсификации, «выдергивания» из контекста и т. п. Обширные

знания об индивиде востребованы и могут быть использованы самым широким образом неограниченным кругом лиц – правоохранительными органами, работодателями, производителями товаров и услуг, рекламоделателями, политтехнологами, криминальными структурами и т. д.

Имеющиеся правовые механизмы никоим образом не защищают индивида от такого произвольного обращения с информацией. Тем более если к процессу обработки информации привлекаются возможности искусственного интеллекта (ИИ). Известно, что возможности ИИ широко используются для рерайта, для оперирования статистикой и иной информацией с цифрами, и большим объемом данных и их анализа с последующим формированием на этой основе текстового контента. Своими собственными усилиями ему вряд ли удастся противостоять таким реалиям цифровой эпохи, как организованный вброс большого объема информации, включая ложную или порочащую индивида информацию (информационная атака), информационная травля, инфодемия, которые в том числе могут иметь заказной характер. Кроме использования вполне легальных механизмов, производство и тиражирование слухов, домыслов, бездоказательных обвинений, фейков осуществляется с использованием информационных ресурсов-«однодневок» (СМИ, телеграмм-каналы, сайты), как правило, осуществляющих свою деятельность без официальных лицензий либо зарегистрированных за пределами РФ. Физические и юридические лица, оказавшиеся объектами целенаправленных информационных нападков, попадают в ситуацию постоянного пристального внимания, вынуждены по каждому поводу давать объяснения и опровержения, доказывать свою невиновность и непричастность – как стало модным говорить, «изгою не оправдаться». Поднятая информационная волна может сойти на нет, но может стать и основанием для осуществления проверочных мероприятий. Возможностей в правовом порядке привлечь к ответственности за причинение подобного рода «неудобств» практически нет. Как и нет никаких гарантий в том, что ситуация не повторится: в публичном пространстве всегда остается след присутствия информации, даже если она удалена или сайт заблокирован, – а значит, опасность ее использования в различных вариациях бесконечно долго вполне реальна. Таково, как мы говорили, свойство информации, и таковы сила и влияние слова, доступ к которым не имеет в век цифры ограничения по кругу лиц.

Одного законодательного закрепления понятия фейка для противодействия информационной агрессии уже недостаточно, хотя бы потому, что фейк отнесен к числу ложной информации в качестве недостоверной общественно-значимой информации, под которой понимается информация, распространяемая «под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи»¹. Следовательно, в случае с иной информацией ложного, частично ложного или тенденциозно приподнесенного характера данная норма действовать не будет. Кроме того, законодательство не берет в расчет, кроме содержательного, количественные показатели распространения информации, что важно при характеристике информационной атаки, информационной травли. Случай с размещением среди участников «Бессмертного полка» нацистских преступников говорит о необходимости законодательного закрепления понятия информационной провокации. Нам представляется, что по мере установления ярко выраженной тенденции при сохранении общего понятия фейка

¹ Федеральный закон от 18.03.2019 N 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ (Дата обращения – 20.03.2020).

необходимо вводить его частные проявления, т. е. те или иные разновидности фейков, что обеспечит множественность правовых инструментов и оперативность отнесения тех или иных явлений и фактов в информационном пространстве к числу противоправных деяний.

Появился особый тип социальных отношений – информационные отношения, возникающие в процессе движения информации с использованием глобальной сети Интернет, что требует определения их правовой природы. Специалисты в области информационного права, говоря о виртуальных отношениях, возникающих посредством «виртуальных соединений в Интернете», указывают на следующие их отличительные признаки. В отличие от обычных отношений, виртуальные возникают в процессе обмена информацией или осуществления реальной деятельности с использованием информационных технологий, что предполагает наличие трех составляющих: во-первых, «информационной базы виртуального пространства, то есть многочисленных информационных потоков, процесс движения и переработки информации, механизмы ее образования и распространения»; во-вторых, социальной составляющей, в силу того, что «виртуальное пространство – это совокупность общественных отношений, возникающих в процессе использования Интернета и других сетей, складывающихся по поводу информации»; в-третьих, технологической [4].

Наличие специфических особенностей функционирования онлайн-среды позволяет говорить о необходимости введения нового правового режима информации – правового режима информации в Интернете. Сущность виртуальной реальности, жизни в виртуальном пространстве: индивид существует «не только в условном пространстве и мире, но и в как бы вполне реальных» как активный персонаж, имея возможность не только наблюдать, переживать, созерцать и погружаться, но и действовать самостоятельно [5] – не позволяют согласиться с мнением о принципиальной невозможности регулирования отношений в киберпространстве методами, применяемыми для пространства физического в силу кардинальных отличий первого, по той простой причине, что пользователями являются реальные лица, имеющие определенный законодательством РФ правовой профиль и статус. Главный вопрос в том, как найти «баланс между конституционными правами на свободный доступ к информации и защитой общественной безопасности», что предпочесть – фильтрацию информацию, ее цензуру, борьбу с нежелательным контентом (содержание которого определяется законодательно) или взгляд на глобальную сеть как на источник угроз [6]. При этом следует признать, что вопрос о способах защиты прав и свобод граждан в виртуальном пространстве с каждым днем приобретает все более острый характер. Проблемы обеспечения информационной безопасности, цифрового равенства, цифровой идентичности становятся все актуальнее. Реальность такова, что в виртуальном пространстве, множащем возможности для самовыражения и самореализации, индивид куда более уязвим и куда менее защищен.

Очевидно, что правовое регулирование виртуального пространства не должно сводиться к простому установлению норм и правил, в равной мере распространяемых на всех участников, в рамках различных отраслей права – оно должно основываться на действии общих принципов развития и функционирования информационного общества, т. е. иметь фундаментальную научную основу. На современном этапе наиболее оптимальным нам представляется регламентирование отношений в информационной среде наличествующими правовыми механизмами при условии их максимального адаптирования к реалиям Интернета на начальном этапе и по мере накопления судебной, административной и иной практики выработки специальных механизмов регулирования поведения и деятельности физических и юридических лиц в киберпространстве. Поэтому на стадии формирования специального законодательства разрешение споров осуществляется по аналогии с применением, к примеру, законодательства о средствах массовой информации или о связи.

О качественном правовом регулировании можно вести речь при наличии общепринятой правовой концепции, отражающей особенности формирования социальных, культурных, экономических отношений в киберпространстве, и разработанности четких правовых категорий, их отражающих. Правовое регулирование отношений в Интернете должно, на наш взгляд, учитывать по крайней мере следующие его особенности. При невозможности отнесения Интернета к числу юридических лиц (либо в силу несовершенства правового определения юридического лица для целей цифровой реальности), установления его конкретного владельца необходимо языком права ответить на вопрос о том, чем является Интернет в целом или в конкретной группе отношений – средством массовой коммуникации; агрегатором, опосредующим оказание услуг; территорией свободного обмена информацией и т. д. При определении механизмов регулирования следует исходить из множественности и разнородности участников отношений – юридические лица, физические лица разных возрастов, объединения граждан, коммерческие объединения, СМИ, социальные сети, мессенджеры, лица, располагающие профессиональными знаниями в цифровой сфере, специалисты DarkNet и т. д. В данный момент мы находимся на стадии точечного регулирования наиболее актуальных проблем, и введение специального правового режима информации в Интернете ответ на одну из них. В перспективе, в условиях развитой цифровизации, регулирование отношений в информационной среде – в силу ее всепроникающего характера – будет осуществляться на основе специального и общего законодательства, модернизируемого уже сейчас в силу активного использования возможностей Интернета в криминальных интересах. Главная особенность вносимых в законодательство РФ новаций в части регулирования Интернета на данном этапе состоит в том, что оно происходит в основном по репрессивному направлению [7].

Пандемия коронавируса значительно продвинула использование не только «умных технологий» бесконтактного характера, возрос и спрос на технологии социального мониторинга. Применение множества самых различных мультимедийных ресурсов: социальные сети, информационные реестры и регистры, электронные сервисы, мобильные приложения, удаленная учеба и работа, портал госуслуг и т. п. – не только де бюрократизирует, облегчает, убыстряет, но и ведет к значительному росту объемов собираемой и анализируемой информации, к формированию у разной категории лиц множества баз данных. И это имеет своим следствием деградацию содержания конфиденциальности и приватности в их привычном понимании. Столь привлекательная анонимность, скрытность коммуникаций в Интернет-пространстве не является ни синонимом, ни гарантом конфиденциальности, безопасности и защищенности данных по многим причинам: (1) наличие и постоянное совершенствование систем сканирования, резервирования, рерайта информации; (2) постепенная замена документов на бумажном носителе цифровыми документами; (3) множественность баз данных, формируемых путем предъявления требований об установке приложений и отсылки информации в качестве обязательного условия для получения доступа к тем или иным услугам. Этим – возможностью получения информации без лишних хлопот, осуществления дистанционного контроля и мониторинга без учета волеизъявления лица и зачастую в нарушение законодательства о персональных данных – можно объяснить популярность и интерес к мобильным приложениям, в том числе и со стороны государства. «Мой налог», «Мой избиратель», а теперь еще и «Мигрант». В принципе в этом приложении нет ничего особенного: с его помощью, как в свое время и с «Моим налогом» для самозанятых, намереваются вывести мигрантов из тени. Но есть одно весьма примечательное обстоятельство. Предлагается с помощью этого приложения формировать цифровое досье мигрантов, и в зависимости от полноты предоставляемой информации определять рейтинг социального доверия, который в свою очередь станет своего рода допуском в легальную жизнь и условием реализации прав в системе социального обеспечения. Последствия отказа установить приложение вполне очевидны.

Существование индивида становится все более «прозрачным» в том числе и по причине превращения данных в товар, что актуализирует проблему IT-уязвимости. По данным Positive Technologies, 84 % российских организаций имеют уязвимость, воспользовавшись которой хакеры могут получить доступ к важнейшим данным. Более того, каждую десятую уязвимость может взломать злоумышленник невысокого уровня. И несмотря на то, что госструктуры, энергетические компании, банки являются в этом смысле более защищенными, для них серьезную опасность представляют инсайд, халатность и злоупотребления [8]. Хотя тот факт, что практически через месяц после голосования по поправкам в Конституцию РФ в результате хакерской атаки были взломаны базы данных лиц, голосовавших с использованием мобильного приложения, говорит об обратном. По мнению президента InfoWatch Н. Касперской, «никакая информационная система не может быть защищена на 100 % ... стоимость атаки на порядки ниже, чем стоимость защиты» [9]. Такое положение вещей создает самые благоприятные условия для расширения пространства DarkNet.

Но наибольшую озабоченность вызывает тот факт, что, в отличие от юридических лиц, возможности индивида в обеспечении собственной IT-безопасности крайне ограничены как в технологическом, так и в правовом смысле. Более того, в условиях бума «умных технологий», позволяющих формировать большие массивы информации без опережающего технологического и юридического обеспечения их безопасности, индивид, пользуясь несомненными преимуществами современных технологий, тем не менее никоим образом не может повлиять на процесс сбора, хранения, распространения информации о нем и оказывается беззащитным.

Обратимся к нескольким весьма показательным, но разнородным примерам. Декларируя постепенную замену бумажных документов на цифровые, следует понимать, что малейшая ошибка, допущенная случайно или намеренно при формировании цифрового документа, может обернуться для лица большими проблемами особенно в том случае, когда оно лишено возможности убедиться в правильности всех внесенных данных и обеспечить их сохранность в неизменном виде на весь период хранения. Так, в соответствии с внесенными в Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» изменениями, лица по мере регистрации их прав на недвижимость вместо выдаваемого ранее свидетельства о праве собственности получают выписку из реестра, подтверждающую лишь факт регистрации, но не имеющую никакой юридической силы и не позволяющую убедиться в полноте и правильности внесенных данных. В случае технического сбоя, взлома, инсайда и т. п. при отсутствии удостоверяющего документа может возникнуть ситуация невозможности доказать свое право на недвижимое имущество.

В июне 2020 г. был принят Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении РФ»², согласно которому, с 2022 г. в РФ на базе ФНС на основе имеющихся многочисленных разрозненных баз данных будет создан единый федеральный информационный регистр (ЕФИР) населения РФ (граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства). Главным источником станут оцифрованные книги ЗАГС, с помощью информации из которых будет формироваться «эталонный профиль гражданина», что и составит основу ЕФИР. Кроме расширения возможностей предоставления услуг в проактивном режиме: без сбора документов – на основании данных единой информплатформы, без присутствия гражданина, посредством унифицированной, максимально упрощенной, и соответственно, разбюрократизированной процедуры, с наличием сервиса автоматического информирования гражданина через личный

² Федеральный закон «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» от 08.06.2020 N 168-ФЗ. Электронный ресурс: <https://fzrf.su/zakon/2020-06-08-n-168-fz/> (дата обращения – 20.07.2020).

кабинет, зарегистрированный на портале госуслуг, о наличии у него права на тот или иной вид социальной поддержки, – возникает масса опасностей. И связаны они, во-первых, с концентрацией большого массива данных в одном месте, во-вторых, с обеспечением безопасности в условиях повышенного интереса DarkNet к такого рода информации, а, следовательно, и соблазна ее получить, в-третьих, с отсутствием законодательного регулирования прав граждан в связи со сбором, хранением и распространением информации с использованием ЕФИР. Большие сомнения вызывают следующие положения закона, регулирующего функционирование ЕФИР: формирование и использование регистра осуществляется без учета волеизъявления граждан РФ, данные из регистра не подлежат уничтожению, закон предусматривает возможность расширения собираемых данных. При этом граждане РФ лишены возможности участвовать в процессе сбора, хранения и распространения информации: они не наделяются правом быть информированными о характере и содержании собираемой информации, не говоря уже о праве их лично определять; правом удостоверять ее достоверность (что крайне важно в силу неунничтожаемости информации, попавшей в регистр, ее свободного распространения без предварительного согласия лица, отсутствия механизма ее опровержения и исключения из регистра в силу недостоверности), правом определять круг лиц, имеющих доступ к ней. На наш взгляд, созданию такой базы данных должно предшествовать законодательное определение ее правового статуса путем отнесения к разряду персональных данных, информации о частной жизни и т. д., чтобы ее сбор, хранение и распространение осуществлялось установленным законом для информации определенного содержания способом. Одного введения нового термина «цифровые данные» недостаточно, ибо он имеет отношение к механизму сбора, хранения и распространения информации, а не к ее содержанию и достоверности. Причем проблематика обеспечения достоверности данных не так проста, как это может показаться на первый взгляд: наличие в пространстве Интернета огромного количества информации, не соответствующей действительности, чревато массовым нарушением прав индивида в силу невозможности полноценной реализации принципа справедливости, основанного на истинности и требующего ее установления.

Ситуация пандемии помогла распознать еще одно немаловажную проблему. В кризисной ситуации, в ситуации ЧС, каковой и стала пандемия, возрастает потребность в большом числе приложений и иных автоматизированных сервисов, создаваемых в спешке, зачастую без правового обеспечения и надежных мер защиты, для вполне определенных временных потребностей, например: для ограничения свободного перемещения лиц, оказания онлайн-услуг, формирования перечня лиц, нуждающихся в господдержке и т. п. Утратив свою актуальность, они прекращают функционировать, но информация остается и, по идее, должна быть уничтожена. Однако при отсутствии законодательно определенного механизма уничтожения и способа подтверждения факта уничтожения велика опасность неправомерного использования накопленной информации вопреки ничем не гарантированным заверениям об уничтожении. Опять же лица, информация о которых была получена без их волеизъявления по причине возникновения непредвиденной ситуации чрезвычайного характера, никоим образом не могут влиять на процесс сбора, хранения, распространения и уничтожения информации. Таким образом, пандемия актуализировала необходимость введения правовых норм, регулирующих функционирование временных баз данных.

Facebook в лице дочернего Instagram в очередной раз обвиняется в том, что намеренно осуществляет сбор биометрических данных более сотни миллионов своих пользователей через систему автоматизированного сканирования размещенных фотографий, как и сам Facebook, которому пришлось уплатить полумиллиардный штраф за практически аналогичные действия – за сбор распознанных нейросетью лиц пользователей. Как показывает практика, применяемые механизмы воздействия неэффективны, ситуация будет повторяться по той простой причине, что выгоды от внедрения тех или иных технологических разработок куда более весомые. Так

ничего не подозревающие пользователи социальных сетей становятся объектами «обкатки» тех или иных технологических решений, и штрафами такой вариант технологического прогресса не остановить.

Все вышеприведенные примеры позволяют прийти к следующим выводам. С развитием дистанционного формата работы, оказания услуг, осуществления сделок, в условиях бума баз данных, в том числе на государственном уровне (ЕФИР, Федеральный реестр инвалидов, реестр получателей социальной помощи Минтруда и т. п.), формирования электронных профилей граждан право индивида на приватность и личную жизнь постепенно переходят в разряд декларативных в силу отсутствия действенных механизмов их обеспечения в виртуальном пространстве. Индивид, лишенный права на собственное волеизъявление, перестает быть субъектом, самостоятельно определяющим содержание и движение информации, и становится их объектом. И проблема не только в том, что независимо от индивида жизнь его по мере все большего накопления информации о нем становится все «прозрачнее» и все более контролируемой, – создание электронного информационного профиля может привести к социальному ранжированию граждан, к цифровому неравенству, дискриминации. Поэтому созданию любой базы данных должно предшествовать законодательное оформление статуса цифровых данных как с содержательной, так и с процессуальной стороны. Для этого необходимо: (1) для защиты прав граждан и их «цифровой идентичности» принять закон о цифровых данных; (2) посредством рамочного закона ввести новый режим информации – правовой режим информации в виде цифровых данных; (3) обеспечить законодательное определение правового статуса для каждой базы данных в отдельности путем принятия специального закона. Учитывая тот факт, что современное общество переживает цифровую трансформацию и цифра стала «нефтью, золотом и платиной XXI века» [10], следует согласиться с предложением президента InfoWatch Н. Касперской о внесении изменений в Конституцию РФ, ст. 71, в части отнесения к предметам ведения РФ «информационных технологий, обработки и защиты цифровых данных граждан РФ» [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорькин В. Право будущего в эпоху цифр // Российская газета. 16.04.2020. № 83 (8137). С. 6.
2. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2001. С. 392.
3. Лебедев Д.В. Ценность нематериальных благ в информационной экономике // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseinnost-nematerialnyh-blag-v-informatsionnoy-ekonomike> (дата обращения – 24.11.2020).
4. Телешина Н.Н. Виртуальное пространство как новая юридическая конструкция: к постановке проблемы // Юридическая техника. 2013. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-prostranstvo-kak-novaya-yuridicheskaya-konstruktsiya-k-postanovke-problemy> (дата обращения – 19.12.2020).
5. Гермашова В.А. Понятие «виртуальная реальность» в философии знания // Наука. Инновации. Технологии. 2009. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-virtualnaya-realnost-v-filosofskom-znani> (дата обращения – 15.11.2020).
6. Ваховский А.М. Политико-правовые вопросы регулирования Интернета: мировой опыт и российская практика // Известия тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-pravovye-voprosy-regulirovaniya-interneta-mirovoy-opyt-i-rossiyskaya-praktika> (дата обращения – 25.11.2020).
7. Просвирин Ю.Г. Правовое регулирование информационной сферы // Международно-правовые чтения. – Воронеж. 2017, Вып. 2. С. 118.
8. Гаврилюк А. Брешным делом: 84 % российских компаний имеют IT-уязвимость // Известия. 12.08.2020. № 109. Электронный ресурс: <http://iz.ru/newspaper/no109-12-avgusta-2020-goda> (дата обращения – 16.08.2020).
9. Цырулева И. В условиях пандемии приходится жертвовать безопасностью // Известия. 08.07.2020. № 84. Электронный ресурс: <https://iz.ru/1019944/irina-tsyruleva/v-usloviakh-epidemii-prihoditsia-zhertvovat-bezopasnostiu> (дата обращения – 16.08.2020).
10. Мишустин М. О средней зарплате, гаражной амнистии и вакцине // Российская газета. 29.07.2020. №161. Электронный ресурс: <https://rg.ru/2020/07/22/mihail-mishustin-otvetil-na-voprosy-deputatov-gosdumy.html> (дата обращения – 05.08.2020).

Napso Maryana Bakhsetovna

North-Caucasus state academy, Cherkessk, Russia
E-mail: napso.maryana@mail.ru

The individual, the society and the right during the digital epoch

Abstract. In article features of development of a society and the right in the conditions of digital transformation as a whole and information-communication boom in particular with characteristic to it the accelerated processes of updating of means, forms and ways of information transfer, growth of its volumes and numbers of carriers and, hence, a growing demand of the digital skills which have become by paramount quality of successful self-realisation are considered. In view of the increased role of the information, including in formation of knowledge, behavioural requirements, trends, images, stereotypes, the author consistently analyzes modern characteristics of movement and information use: Duplicating and export of any volumes of the information with use of various resources, purposeful and any accumulation of freely plying information of the truthful and false maintenance, a separation of the information from an initial situational and substantial context, free designing of the new information by free interpretation, falsification, «выдергивания» from a context, use of possibilities of artificial intelligence for the information analysis etc., – that allows to speak about a reality of information attacks, information persecution, information provocation, infodemic. Thus ascertaining an urgency of a problem of information security as on macro – and microlevel including owing to insufficiency of legal guarantees of realisation of the information rights of the individual, the author makes an attempt to define the most important approaches in a solution of a problem. Having come to conclusion about that, the problem of distribution of other unreliable information is solved by one legislative fastening of concept of a fake cannot be, the author considers necessary to enter new concepts that will provide plurality of legal tools and efficiency of reference of those or other phenomena and the facts in information field to number of illegal acts. The fact of that modern technologies allow to form and operate with the big files of the information without advancing technological and legal maintenance of their safety, without will of the individual and without their check on reliability, for the author is the convincing proof of vulnerability and vulnerability of the individual in virtual space. From this point of view in the greatest valuable potential, according to the author, introduction of a legal regime of the information on the Internet and a legal regime of the information in the form of databases that will allow the individual possesses not only to take doubtless advantages of modern technologies, but also to influence process of gathering, storage, distribution of the information on it.

Keywords: a digital epoch; an information society; artificial intelligence; information technology; communication technologies; properties of the information; a database; a legal regime of the information; the right of the individual; a pandemic